

Часть IV, гл. 6, § 9

**РИМСКОЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
В СЕРЕДИНЕ II В.***(Автор С. Л. Утченко)*

Развитие рабовладения в Риме. Концентрация земель и образование латифундий. Со второй половины II в. до н. э. начинается период наивысшего развития рабовладельческого способа производства в римском обществе. Завоевательные войны, которые велись римлянами примерно в течение 120 лет в бассейне западного, а затем и восточного Средиземноморья, содействовали притоку на невольничьи рынки огромных масс рабов. Еще во время первой Пунической войны взятие Агригента (262 г.) дало римлянам 25 тысяч пленных, которые и были проданы в рабство. Шесть лет спустя консул Регул, одержав победу над карфагенянами при мысе Экноме (256 г.), отправил в Рим 20 тысяч рабов. В дальнейшем эти цифры неуклонно растут. Фабий Максим при взятии Тарента в 209 г. продал в рабство 30 тысяч жителей. В 167 г. при разгроме городов Эпира консулом Эмилием Павлом было продано в рабство 150 тысяч человек. Окончание III Пунической войны (146 г.) ознаменовалось продажей в рабство всех жителей разрушенного Карфагена. Даже эти отрывочные, разрозненные и, видимо, далеко не всегда точные цифры, приводимые римскими историками, дают представление о тех многотысячных массах рабов, которые хлынули в Рим.

Невольничьи рынки существовали почти во всех крупных центрах римского государства. Даже в самом Риме был рабский рынок, находившийся возле храма Кастора. Крупная оптовая торговля рабами шла на о. Делосе, где, по словам географа Страбона, иногда продавалось до 10 тысяч рабов в день. Цены колебались в зависимости от притока рабов на рынок. В период крупных завоеваний цены сильно падали. «Дешев как сард» — говорили в Риме после захвата Сардинии. После завоевания Понтийского царства рабов продавали по 4 денария (т. е. около $1\frac{1}{2}$ рублей) за человека. Однако цены на образованных рабов или рабов, обладавших особой квалификацией (танцовщицы, повара, актеры), были очень высоки. За них римские богачи платили тысячные суммы.

Огромный количественный рост рабов привел к качественным изменениям в социально-экономической структуре римского общества: к преобладающему значению рабского труда в производстве, к превращению раба в основного производителя римского общества. Эти обстоятельства и знаменовали собой полную победу и расцвет рабовладельческого способа производства в Риме.

Но преобладание рабского труда в производстве неизбежно приводило к вытеснению мелкого свободного производителя. Так как Италия в это время продолжала сохранять характер аграрной страны, то здесь этот процесс, в первую очередь, и наиболее наглядно развернулся в области сельскохозяйственного производства, причем он складывался из двух неразрывно связанных между собой явлений: концентрации земель и образования крупных рабовладельческих поместий (так называемых латифундий) и одновременно обезземеливания и пауперизации крестьянства.

До II в. до н. э. в сельском хозяйстве Италии преобладали мелкие и средние хозяйства, отличавшиеся своим натуральным характером и покоившиеся в основном на труде свободных производителей. По мере развития рабовладения в Риме эти хозяйства начинают вытесняться хозяйствами совершенно иного типа, основанными на системе массовой эксплуатации рабского труда и производящими продукцию уже не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи. Римский историк Аппиан так изображает этот процесс: «Богачи, заняв большую часть этой неподеленной земли (т. е. *ager publicus*. — С. У.) и вследствие давности захвата надеясь, что у них ее не

отберут, стали присоединять к своим владениям соседние участки бедных, часть скупая их за деньги, частью отнимая силой, так что в конце концов в их руках вместо небольших поместий оказались огромные латифундии. Для обработки полей и охраны стад они стали покупать рабов...» (App., В. С., I, 7).

Таким хозяйством, рассчитанным на развитие в нем товарного производства и основанным на эксплуатации труда рабов, является образцовая вилла, описываемая знаменитым римским государственным деятелем Катон Старшим в его специальном труде «О земледелии» (*De agri cultura*). Катон описывает поместье, имеющее комплексное хозяйство: масличную рощу в 240 югеров (60 га), виноградник в 100 югеров (25 га), а также зерновое хозяйство и пастбище для скота. Организация труда в таком поместье строится, в первую очередь, на эксплуатации рабов. Катон указывает, что на уход за виноградником в 100 югеров требуется не менее 14 рабов, на оливковый сад в 240 югеров — 11 рабов. Катон дает детальные советы относительно того, как следует рациональнее эксплуатировать труд рабов, рекомендуя занимать их делом и в дождливые дни, когда работы в поле не производятся, и даже в дни религиозных праздников. Во главе управления помещением стоит виллик, выбираемый из числа наиболее преданных и сведущих в сельском хозяйстве рабов, жена виллика выполняет обязанности ключицы и кухарки.

Катона чрезвычайно интересует вопрос о рентабельности отдельных отраслей сельского хозяйства. «Если меня спросят, — пишет он, — какие имения следует поставить на первое место, я отвечаю так: на первое место следует поставить виноградники, дающий вино хорошего качества и в изобилии, на второе место — орошаемый огород, на третье — ивовую посадку (для плетения корзин), на четвертое — оливковую рощу, на пятое — луг, на шестое — хлебное поле, на седьмое — лес» (Cato, I, 7). Из этих слов ясно, что зерновые культуры, являвшиеся преобладающими в хозяйствах старого типа, теперь отступают далеко назад по сравнению с более рентабельными отраслями сельского хозяйства (садово-огородные культуры и скотоводство).

Таким образом, проблема товарности хозяйства во времена Катона выдвигается на первый план. Неслучайно, разбирая вопрос о покупке имения, Катон сразу же дает совет обращать внимание не только на плодородие почвы, но и на то, чтобы «поблизости был значительный город, море, судоходная река или хорошая дорога» (Cato, I, 3), имея в виду перевоз и продажу продуктов. «Хозяин должен стремиться, — говорит Катон, — побольше продавать и поменьше покупать» (Cato, II, 7).

Катон описывает в своем труде поместье средних размеров, типичное для средней Италии. Но на юге Италии, а также в Сицилии и Африке возникли огромные латифундии, насчитывавшие сотни и тысячи югеров. Они также основывались на эксплуатации рабского труда в массовых масштабах и преследовали цель повышения доходности сельского хозяйства.

Обратной стороной процесса развития латифундий, как уже упоминалось, было обезземеление и разорение крестьянства. Из вышеприведенных слов Аппиана видно, что мелкие и средние крестьянские хозяйства гибли не столько вследствие экономической конкуренции латифундиальных поместий, сколько вследствие захватов земель крупными рабовладельцами. Разрушительное действие на крестьянские хозяйства оказали и непрерывные войны III—II вв., ведшиеся на территории Италии. За время войны с Ганнибалом, по данным некоторых источников, погибло около 50% всех крестьянских усадеб средней и южной Италии. Далекие походы в Испанию, Африку, Малую Азию, отрывая крестьян на долгое время от их хозяйств, также содействовали упадку мелкого и среднего землевладения в Италии.

Обезземеленные крестьяне частично превращались в арендаторов или наемных батраков, сельскохозяйственных рабочих. Но так как к найму последних прибегали только в страдную пору (покос, жатва, сбор винограда и т. д.), то батраки не могли рассчитывать на сколько-нибудь обеспеченный и постоянный заработок. Поэтому огромные массы крестьян хлынули в город. Меньшая часть из них занялась производительным трудом, т. е. превратилась в ремесленников (хлебопеков, суконщиков, сапожников и т. п.) или строительных рабочих, некоторые занялись мелкой торговлей.

Но подавляющая масса этих разоренных людей не могла найти себе постоянной работы. Они вели жизнь бродяг и нищих, наполняя собой форум и рыночные площади. Они ничем не брезгали в поисках случайного заработка: продажей голосов на выборах, жесвидетельскими показаниями в судах, доносами и воровством, — и превратились в деклассированный слой населения, в античный люмпенпролетариат. Они жили за счет общества, жили на те жалкие подачки, которые им перепали от римских богатей или политических авантюристов, искавших популярности; а затем и за счет государственных раздач; в конечном итоге, они жили за счет варварской эксплуатации рабского труда.

Таковы наиболее существенные изменения в римской экономике и социальной жизни римского государства во II в. до н. э. Однако картина этих изменений будет далеко не полна, если не остановиться на развитии торговли и денежно-ростовщического капитала в Риме.

Развитие торговли и денежно-ростовщического капитала. Превращение Рима в крупнейшую средиземноморскую державу содействовало широкому развитию внешней торговли. Если нужды римского населения в предметах ремесленного производства в основном удовлетворялись местной мелкой промышленностью, то сельскохозяйственные продукты ввозились из западных провинций, а предметы роскоши из Греции и стран эллинистического Востока. Выдающуюся роль в мировой торговле играл в III в. до н. э. Родос, после же падения Коринфа в качестве крупнейшего торгового центра выдвигается Делос, который в скором времени стягивает к себе не только всю коринфскую, но и родосскую торговлю. На Делосе, где встречались купцы различных стран, возникают торгово-религиозные (они находились «под покровительством» того или иного божества) ассоциации италийских купцов, главным образом кампанцев или южно-италийских греков.

Римские завоевания обеспечивали непрерывный приток ценностей и денежного капитала в Рим. После первой Пунической войны римская казна получила 3200 талантов контрибуции (1 талант = 2400 руб.). Контрибуция, наложенная на карфагенин после второй Пунической войны, равнялась 10 000 талантов, а на Антиоха III после окончания Сирийской войны — 15 000 талантов. Военная добыча победоносных римских полководцев была колоссальной. Плутарх описывает триумфальный въезд в Рим победителя при Пидне Эмилия Павла. Триумф длился три дня, в течение которых непрерывно проносили и вели на колесницах захваченные произведения искусства, драгоценное оружие, огромные сосуды, наполненные золотой и серебряной монетой. В 189 г. после битвы при Магнезии римляне захватили в качестве военной добычи 1230 слоновых клыков, 234 золотых венка, 137 000 фунтов серебра (1 римск. фунт = = 327 г), 224 000 серебряных греческих монет, 140 000 македонских золотых монет, большое количество изделий из золота и серебра. Вплоть до II в. Рим испытывал известный недостаток в серебряной монете, но после всех этих завоеваний, в особенности после освоения испанских серебряных рудников, римское государство получило полную возможность обеспечить серебряную основу своей денежной системы.

Все эти обстоятельства привели к чрезвычайно широкому развитию денежно-ростовщического капитала в римском государстве. Одной из организационных форм развития этого капитала были компании откупщиков (*societas publicanorum*), бравшие на откуп различные виды общественных работ в самой Италии, а также и — главным образом — откуп налогов в римских провинциях. Они занимались и кредитно-ростовщическими операциями, причем особенно широко в провинциях, где оставались в силе законы и обычаи, поддерживающие продажу в рабство за долги и где ссудный процент был почти ничем не ограничен и доходил до 48—50%. Так как торговыми, откупными и ростовщическими операциями занимались представители римского всаднического сословия, то они превращаются в новый слой римской рабовладельческой знати — в торгово-денежную аристократию.

Наряду с компаниями откупщиков возникали и другие организационные формы объединения денежно-ростовщического капитала. В Риме были довольно широко распространены меняльные конторы. Владельцы этих контор назывались аргентарии

(argentarii) и занимались не только разменом денег, но и ссудой денег под проценты а также хранением денег и переводом денежных сумм одного вкладчика на счет другого. Занимались этими операциями в Риме главным образом вольноотпущенники и чужеземцы (часто — греки). Профессия менял не считалась почетной, и представители высших слоев римского общества подобными операциями, во всяком случае открыто, предпочитали не заниматься.

Сущность изменений в экономике римского общества. Столь существенные изменения в экономике и социальной жизни Рима подтверждают мысль о том, что римское рабовладельческое общество переходило к новому, высшему этапу своего развития, который К. Маркс определил как «...рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»¹. Это определение раскрывает истинную природу и историческое значение рассмотренных выше явлений: победу рабовладельческого способа производства и превращение раба в основного производителя, развитие товарного производства, рост торгового и денежно-ростовщического капитала, а также образование новых социальных слоев римского рабовладельческого общества — античного люмпенпролетариата, с одной стороны, и слоев торгово-денежной аристократии (всадничества), — с другой.

Буржуазные фальсификаторы истории, начиная от «патриархов модернизации» античного мира Моммзена и Эд. Мейера и вплоть до их современных эпигонов, настойчиво твердят о развитии капитализма в древнем Риме. Хватаясь за чисто внешние аналогии, они говорят о наличии капиталистических форм хозяйства, о «банковской системе», об образовании класса капиталистов и пролетариата. Однако все эти утверждения, являющиеся в конечном счете апологией капиталистического строя, не выдерживают серьезной критики. Модернизаторы античной истории игнорируют вопрос о способе производства, игнорируют тот основной факт, что при рабовладельческом способе производства, при котором основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства, т. е. раба, рабочая сила последнего не продается и не покупается, т. е. не является товаром. Следовательно, в основе рабовладельческого способа производства лежит внеэкономический, натуральный способ присвоения рабочей силы, что и отличает этот способ производства в принципе и достаточно четко от капиталистического способа производства.

Маркс неоднократно подчеркивал, что «события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам»². Так, говоря о влиянии торговли и купеческого капитала на античное общество, Маркс специально отмечает, что в силу господства определенного способа производства оно «...постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство»³. И. В. Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» писал: «Говорят, что товарное производство всё же при всех условиях должно привести и обязательно приведёт к капитализму. Это неверно». И дальше: «Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму»⁴.

Такова истинная сущность и историческое значение тех изменений, которые произошли в экономике римского рабовладельческого общества во II в. до н. э.

Кризис политических форм римской республики. Глубокие процессы и принципиальные изменения, произошедшие в экономической основе римского рабовладельческого общества, не могли не оказать влияния на политические взаимоотношения и формы государственного устройства древних римлян. Политическая надстройка римского общества становится уже не соответствующей его экономической

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1950 стр. 344.

² К. Маркс, и Ф. Энгельс Соч., т. XV, стр. 378.

³ К. Маркс, Капитал, т. III, 1950 стр. 344.

⁴ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 15.

базису — консервативной и мешающей его развитию. Это обстоятельство должно было неизбежно привести к кризису политической надстройки, к кризису старых форм и учреждений римской рабовладельческой республики. Более того, это обстоятельство должно было неизбежно привести к замене старой политической надстройки новыми политическими и правовыми учреждениями, соответствующими изменившемуся базису и активно содействующими его оформлению и укреплению.

Политическая надстройка римского рабовладельческого общества, т. е. республиканские формы римского государства возникли и оформились в то время, когда Рим представлял собой типичный город-государство, покоящийся целиком на натуральной системе хозяйства. Она отвечала интересам и нуждам сравнительно небольшой, строящейся на примитивных основах общины граждан (*civitas*). Теперь же, когда Рим превратился в великую средиземноморскую державу (*imperium Romanum*), когда произошли глубокие изменения в экономическом базисе римского общества и, прежде всего, восторжествовал рабовладельческий способ производства, прежние политические формы, старые республиканские учреждения оказались непригодными, и уже не отвечающими нуждам и интересам новых общественных классов.

Консервативность и устарелость республиканского государственного аппарата, его несоответствие новым задачам впервые дали себя знать еще при попытке разрешения проблемы управления завоеванной Италией. Римляне не создали единого, централизованного италийского государства, они ограничились лишь организацией довольно пестрой федерации общин, в которой Рим занимал положение наиболее крупной и самодовлеющей общины, сохранявшей свое господствующее положение только на основе использования сложной системы политических рычагов и тормозов (*divide et impera!*) и открытой военной силы. Правда, в то время еще не существовало в самой Италии достаточных экономических предпосылок для образования прочного государственного единства, но и во II в. до н. э., когда уже произошли глубокие сдвиги в экономическом базисе римского общества, система взаимоотношений Рима и италийских общин не претерпела никаких существенных изменений.

Еще более ярким и наглядным примером устарелости и несоответствия республиканского государственного аппарата новым задачам является система управления римскими провинциями. Когда Рим превратился в крупнейшую державу античного мира и оказался обладателем огромных заморских территорий, то сразу обнаружилась непригодность, даже полная беспомощность римского государственного аппарата в деле организации управления и рациональной с точки зрения самого господствующего класса эксплуатации этих территорий. Римская система управления провинциями вскрывает картину этой потрясающей беспомощности и вместе с тем варварской примитивности методов эксплуатации провинций. По существу говоря, управление провинциями не было государственным предприятием, не осуществлялось органами или аппаратом государства, а отдавалось (в той или иной степени) на откуп частным лицам.

В середине II в. до н. э. Рим имел девять провинций; из них шесть западных: Сицилия, Сардиния, Корсика, Цизальпинская Галлия, Испания, Африка и три восточных: Иллирия, Македония, Азия. Правовое положение городов в этих провинциях было различно: большая их часть относилась к категории зависимых общин, платящих налог (*stipendium*) и потому называвшихся *civitates stipendiariae*. Наряду с зависимыми общинами существовали так называемые *civitates liberae*, т. е. свободные общины, пользовавшиеся полной автономией и иногда даже освобождавшиеся от уплаты налогов (*civitates liberae et immunes*). Права некоторых общин устанавливались специальными договорами (*foedus*) и тогда они назывались *civitates foederatae*. Таким образом, римское правило *divide et impera* применялось и здесь.

Провинциальная система управления складывалась постепенно и в значительной мере стихийно. Не существовало никаких общих законодательных установлений, касавшихся провинций. Каждый новый правитель провинции, вступая в свою должность, обычно издавал эдикт, в котором определял, какими принципами он будет руководствоваться при управлении провинцией. В качестве правителей или наместников провинций римляне посылали сначала преторов, а затем высших

магистратов, по окончании срока их полномочий в Риме (проконсул, пропретор). Наместник назначался для управления провинцией, как правило, на год и в течение этого срока не только олицетворял в своей провинции полноту военной, гражданской и судебной власти, но фактически не нес никакой ответственности за свою деятельность перед римскими властями. Жаловаться на его злоупотребления жители провинций могли лишь после того, как он сдавал свои дела преемнику, но такие жалобы редко имели успех. Таким образом деятельность наместников в провинциях была бесконтрольной, управление провинциями фактически сдавалось им «на откуп».

Почти все провинциальные общины облагались прямыми (*stipendium, tributum*), а иногда и косвенными налогами (главным образом таможенные сборы). Содержание провинциальных наместников, их штата, а также римских войск, расквартированных в провинциях, также ложилось на плечи местного населения. Но особенно разорительной для провинциалов была деятельность римских публиканов и ростовщиков. Компании публиканов (*societates publicanorum*), бравшие на откуп сбор налогов в провинциях, вносили в римскую казну заранее определенные суммы, а затем выколачивали их с огромными излишками из местного населения. Хищническая деятельность публиканов и ростовщиков разоряла целые страны, некогда цветущие, а жителей этих стран низводила на положение рабов, проданных в рабство за долги.

Такова была система, ведшая к хищнической эксплуатации завоеванных областей, которая не могла уже отвечать интересам господствующего класса в целом, но которая была следствием полной непригодности и устарелости государственного аппарата римской республики. Конечно, в римском рабовладельческом обществе, при любом изменении его политической надстройки государственный аппарат и не мог быть заменен вполне совершенным аппаратом, т. е., другими словами, невозможно было создание прочной централизованной империи в силу отсутствия единой экономической базы, в силу натурального в своей основе рабовладельческого хозяйства. Как известно, крупнейшие империи древности могли подняться лишь на ступень временных и непрочных военно-административных объединений. К созданию такого объединения и была направлена в рассматриваемое время тенденция развития римского государства, но даже для достижения этой цели не было реальных условий, пока продолжал существовать слишком большой и непримиримый разрыв между обновленным экономическим базисом римского рабовладельческого общества и его обветшалой, консервативной политической надстройкой. Этот разрыв и делал неизбежным кризис старых политических форм, т. е. кризис римской республики.

Классовая борьба в римском обществе во II в. до н. э. Однако замена устаревшего государственного устройства — римской республики — каким-либо новым не могла произойти безболезненным и мирным путем. За старыми, обветшалыми политическими формами стояли определенные классы, определенные социальные группы с их узко-классовыми интересами, но от того не менее яростно ими защищавшимися. Старая политическая надстройка не могла быть убрана легко и мирно, наоборот, она стойко и активно сопротивлялась. Поэтому кризис римской республики сопровождался крайним обострением классовой борьбы в Риме на протяжении нескольких десятилетий.

Римское общество до II в. до н. э. представляло собой пеструю картину враждующих классов и сословий. Внутри свободного населения шла напряженная борьба между классом крупных рабовладельцев и классом мелких производителей, представленным в Риме в первую очередь сельским плебсом. Это была в основном, борьба за землю. Внутри самого класса рабовладельцев шла борьба между земледельческой знатью (*нобилитет*) и новой торгово-денежной аристократией (*всадничество*). Всадничество в эту эпоху уже начинает стремиться к самостоятельной политической роли в государстве и в этой борьбе против политически всемогущего *нобилитета* блокируется иногда с сельским, а затем и с городским плебсом. Городской плебс к этому времени превращается в такую политическую и социальную силу, которая хоть и не имела самостоятельного значения, но которая в качестве союзника или врага могла оказать ре-

шающее влияние на отклонение стрелки политических весов в определенную сторону. Отражением всех этих сложных, часто переплетающихся между собой линий борьбы служат бурные политические события периода кризиса и падения республики, начиная от движения Гракхов и кончая годами гражданских войн.

В результате усиленного развития и победы рабовладельческого способа производства до крайности обостряется и основное противоречие римского общества, противоречие между антагонистическими классами: рабами и рабовладельцами. Рабы представляют собой попрежнему политически бесправный класс. Они попрежнему лишены гражданских прав и личной свободы. Они, с точки зрения римского права, являются вещью, принадлежащей хозяину, одушевленным орудием (*instrumentum vocale*). Но вместе с тем это — основной производящий и, может быть, наиболее многочисленный класс римского общества. Поэтому рабы превращаются в решающую социальную и политическую силу. Обострение противоречий между рабами и рабовладельцами приводит к высшей форме классово-войн в древности, к восстанию рабов. Сначала это были отдельные и разрозненные вспышки, как, например, заговор рабов во время второй Пунической войны, глухо упоминаемый Ливием, или как заговор рабов в Лации (198 г.), в результате раскрытия которого было казнено 500 зачинщиков, или, наконец, восстание рабов в Этруррии в 196 г., на подавление которого пришлось бросить целый легион. Но в дальнейшем эти отдельные, разрозненные вспышки разгораются в огромный пожар «рабских войн» (*bellum servile*): таковы грандиозные сицилийские восстания и великая «рабская война» под руководством Спартака, «истинного представителя античного пролетариата» (Маркс).

Идеологическая жизнь римского общества во II в. до н. э. Глубокие социально-экономические сдвиги, связанные с превращением Рима в великую средиземноморскую державу, вызвали не только кризис старой политической надстройки, но и оказали огромное влияние на идеологическую жизнь римского общества. В конце III — начале II в. до н. э. — налицо кризис старо-римской «полисной» идеологии.

Вторжение в Рим эллинистических влияний, начавшееся после войны с Пирром и покорения южной Италии, теперь, после войны на Балканском полуострове и в странах эллинистического Востока, неизмеримо усиливается. Греческий язык широко распространяется в высших кругах римского общества. Вместе с языком проникает в Рим и греческая образованность, грек-учитель делается непременной принадлежностью богатых римских семей, знание греческой литературы становится модой и признаком хорошего тона, возникают риторические школы, организуемые греками, труппы греческих актеров дают представления в Риме на родном языке. Все большее влияние оказывают эллинистические обычаи на быт и образ жизни римской знати и богачей. Многие крупные политические деятели Рима открыто начинают называть себя филэллинами, как, например, Фламиний, Сципионы и др.

Не следует, однако, думать, что проникновение в Рим этих чужеземных влияний шло мирным путем, без борьбы и противодействия. Очевидно, широкие круги римского общества оказывали стойкое сопротивление этим чужеземным новшествам и обычаям. В этом смысле чрезвычайно характерна деятельность знаменитого цензора 184 г. Катона Старшего, который в качестве основных пунктов своей программы выдвинул лозунг борьбы с «новыми пороками» и восстановления «древних обычаев». Катон был политическим противником всех крупнейших представителей филэллинистических кругов римской знати, боролся против роскоши и упадка нравов. Популярность Катона свидетельствует о том, что он опирался на достаточно широкое круги римского населения.

Однако эллинистические влияния несомненно содействовали распространению образованности в верхних слоях общества и росту культуры. Вокруг одного из крупнейших политических деятелей этого времени — Сципиона Эмилиана создается кружок, в который входят философы и писатели. Среди них наиболее видное место принадлежит знаменитому греческому историку Полибию, прожившему около 16 лет в качестве заложника в Риме, и греческому философу Панетию. Оба они проповедывали учение стоиков (так называемая средняя или римская Стоя), приспособлявая его к нуж-

дам и запросам римского общества. В кружке Сципиона дебатировались не только философские, но и политические проблемы, вынашивались идеи реформ, оказавшие в дальнейшем беспорное влияние на аграрное законодательство Гракхов.

К этой же эпохе относится первоначальное развитие римской историографии—так называемая старшая анналистика. Родоначальником литературной обработки римских хроник источники единогласно считают Квинта Фабия Пиктора, представителя одного из наиболее старинных и знатных родов, современника II Пунической войны. Он написал по-гречески труд, посвященный римской истории от легендарного прибытия Энея в Италию и вплоть до своего времени. Его последователями были Луций Цинций Алимент и Гай Ацилий, писавшие свои анналы также на греческом языке. Со своеобразным историческим трудом, который назывался «Начала» (Origines) и был посвящен истории не только самого Рима, но и других италийских общин, выступил Катон Старший. Его труд был впервые и, видимо, демонстративно написан на латинском языке; таким образом, Катон явился родоначальником римской прозы.

Первые шаги римской художественной литературы также были связаны с распространением греческой образованности. Ранние римские поэты подражали классическим образцам греческой литературы, хотя часто избирали римские сюжеты. Первым римским поэтом считается Ливий Андроник, по происхождению грек из Тарента. в 272 г. в качестве пленника привезенный в Рим. Он перевел сатурническим стихом на латинский язык «Одиссею». Его младшим современником был Гней Невий (ок. 274—204 гг.), автор эпического произведения о первой Пунической войне и ряда трагедий. После второй Пунической войны появились произведения Энния (239—169 гг.), пользовавшегося долгое время славой одного из самых выдающихся поэтов. Его наиболее известным произведением были «Анналы», написанные впервые введенным им в римскую литературу гекзаметром.

Римская комедия уже во второй половине III в. имела выдающихся представителей. Уроженец Умбрии Тит Макций Плавт (ок. 254—184 гг.) был автором ряда комедий, написанных хотя и на сюжеты, заимствованные из так называемой «повоаттической бытовой комедии», но чрезвычайно живым и чисто народным языком. До нас дошло 21 комедия Плавта; наиболее известны из них «Амфитрион», «Кубышка», «Хвастливый воин». К кружку Сципиона Эмилиана принадлежал другой автор комедий — Публий Теренций Африканец (ок. 190—159 гг.). Его комедии были рассчитаны на образованную публику. Он написал всего 6 комедий, из них наиболее популярны были «Девушка с Андроса», «Евнух», «Самонствязатель».

Другой представитель сципионова кружка Гай Луцилий (180—102 г.) был родоначальником совершенно нового литературного жанра, которому суждено было стать специфически римским жанром — обличительной сатиры (satura).

Но трагедия и комедия не вытеснили цирковых зрелищ, которые пользовались большим успехом у римлян еще с более древних времен. Цирковые представления становятся пышнее и роскошнее. В 264 г. впервые были даны гладиаторские игры, а к середине II в. они становятся излюбленным зрелищем и развлечением римлян.

III—II вв. знаменуются дальнейшим развитием римской архитектуры и изобразительного искусства. Старый римский дом был одноэтажным, в центре его находилось большое помещение, где горел очаг, помещались семейные святилища. К атриуму примыкали спальни; других помещений в доме, как правило, не было. Теперь начинают строить дома в два-три этажа. Атриум, украшенный колоннами, превращается в приемную, к нему примыкает целый комплекс помещений: гостиная, столовая, спальня, ванная комната, закрытые дворики и сады, украшенные колоннадами и статуями. Стены облицовываются мрамором, полы делаются мозаичными. В городе строятся общественные здания совершенно нового архитектурного стиля — базилики; с начала II в. появляются монументальные декоративные сооружения — триумфальные арки.

Из завоеванных греческих городов в Рим было привезено огромное количество статуй, которыми украшаются римские площади, общественные и частные здания. Сами римляне создают новый жанр скульптуры, в развитии которого они достигают большого совершенства: реалистический скульптурный портрет. Следует отметить

также развитие фресковых росписей, которые со II в. начинают применяться главным образом для декоративных целей.

Меняется и облик самого города Рима. Он становится огромным по территории и числу населения городом. Полагают, что во II в. до н. э. в нем было уже около полу-миллиона жителей. Население Италии стекалось в него целыми толпами, кроме того в Риме поселилось множество иностранцев, это главным образом греки, сирийцы, евреи. Рим становится крупным международным центром, столицей (urbs) великой средиземноморской державы. Город обстраивается великолепными зданиями. Форум теряет вид крестьянского рынка, окруженного складами и стойлами для скота, и превращается в площадь большого города, украшенную храмами, базиликами, портиками, арками, скульптурными изваяниями. Улицы начинают мостить, а площади покрывать каменными плитами. Наряду с роскошными кварталами, где находятся общественные здания и богатые частные дома, в Риме возникает целый ряд нищенских кварталов, в которых ютится городской плебс и где жалкие лачуги перемежаются с многоэтажными доходными домами дешевых квартир, которые строились предприимчивыми дельцами.

Изменился самый строй жизни и быт римских состоятельных классов. В каждой богатой семье появился обычай содержать огромное количество рабов в качестве домашней прислуги (*familia urbana*). Обстановка комнат, сервировка стола становятся роскошными и претенциозными. С начала II в. появляются женские наряды из дорогих тканей, веера из павлиньих перьев, фантастические дамские прически. В быт богатых людей входят роскошные пиры с зваными гостями, с танцовщицами, певицами и арфистками. На этих пирах подавались дорогие вина и кушанья, всякие заморские и экзотические блюда; на организацию подобных пиров расходовались целые состояния. Недаром все римские писатели, описывающие эту эпоху, скорбят об утрате старинных римских добродетелей, о забвении обычаев предков (*mores maiorum*), о безнадёжной порче нравов и о разложении римского общества. Один из представителей римской Стои — Посидоний даже развил целую теорию упадка нравов, как основной причины будущей неизбежной гибели римского государства.

Таковы были наиболее существенные изменения, произошедшие в идеологии римского общества, а также в быту и частной жизни римлян в III—II вв. до н. э.